

КАК ЛИЦА ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ФИГУРЫ

Сознанием россиян манипулируют с помощью специальных технологий, считает директор Института гуманитарных коммуникаций Иосиф Дзялошинский

Андрей Камакин

ИОСИФ МИХАЙЛОВИЧ, насколько известно, одним из объектов ваших исследований является манипуляция массовым сознанием в политических целях. Каковы масштабы такого манипулирования в России? Можно ли говорить о том, что у нас уже сложился свой институт профессиональных манипуляторов?

— Рынок подобного рода услуг в России сейчас достаточно большой. Организаций, которые занимаются манипулятивными технологиями, очень много. Они называют себя консультативными фирмами, ассоциациями политических консультантов, политическими фондами, иногда просто пиар-агентствами (PR — public relations, структуры по связям с общественностью. — А.К.). Но вопрос не в том, сколько таких организаций. Вопрос в качестве их деятельности. Действительно профессиональных, действительно серьезных организаций немного. В Москве я знаю не более пяти таких структур. Остальные просто выполняют волю заказчика, причем самым грубым, топорным образом. Я знаю ситуации, когда очень квалифицированные журналисты работали одновременно на два конкурирующих агентства: продвигали двух претендентов, скажем, на пост губернатора и писали программы для того и для другого, зарабатывая на обоих.

— Отечественные манипуляторы применяют западные технологии или используют свои ноу-хау?

— В этой сфере практически нет ноу-хау, в разном порядке используются одни и те же схемы. Но чтобы реализовать их, нужно, конечно, иметь фантазию и некоторую ловкость. Можно, например, устроить концерт на Васильевском спуске, ухнуть туда миллионы долларов. А можно сделать маленькую красивую манифестацию, привлечь к ней внимание СМИ или устроить небольшое поощрение, и будет огромный эффект.

Дело не в наборе приемов, а в глубинной основе всей этой деятельности. Этой основой является конструирование мифов. Обращение не к разуму человека, а к глубинам подсознания. В процессе «мифологизации» исчезают реальные человеческие черты политиков и на сцене общественной жизни появляются герои, побеждающие не политических противников, а чудовищ. Подобрать исхода из предпочтений электората мифологический персонаж для клиента и подогнать его «деяния» к соответствующим мифологическим подвигам — так понимают свою основную задачу многие политические имиджмейкеры.

Например, Борису Ельцину они старательно создавали и продолжают создавать образ покровителя. В политической кампании 1996 года он предстает как добрый защитник нуждающихся — от нищеты, молодежи — от армии, бизнесменов — от разорения. Основной политический конкурент нынешнего президента старательно ассоциировался с дьяволом — воплощенным злом. В некоторых демократически ориентированных СМИ образ лидера КПРФ Геннадия Зюганова приобрел явно люциферовские черты. Его даже рисовали с рогами и копытами.

Роль хозяина, или господина, персонафицировал Александр Лебедь. Он был строг и обещал жестко разделаться с бюрократами, взяточниками, преступниками и прочими врагами Отечества.

В последние годы для создания

и закрепления мифологических образов используются разработки из области психолингвистики, суггестивной лингвистики, нейролингвистического программирования, эриксоновского гипноза, психологии восприятия. Все они отличаются высокой эффективностью воздействия.

— Насколько распространено использование в этой сфере специалистов-психологов?

— Психологи активно задействованы. Но тут есть одна проблема. Дело в том, что западный пиар и западные технологии политического консультирования имеют под собой «родную» психологическую базу — это психоанализ, неопсихоанализ, гештальт-психология, другие направления.

Что же касается России, тут ситуация иная. Все российские психологи оканчивали психологические факультеты, где преподавалась советская психология. Там были великолепные психологи — Рубинштейн, Леонтьев, Выготский. Но только на базе этой психологии построить какую бы то ни было манипулятивную технологию нельзя. Так называемый деятельный подход к психике человека, принятый в советской психологии, в принципе не позволяет выработать методы, адекватные западным моделям. Поэтому у нас много заимствований и просто самодельности.

— Привлекаются ли в связи с этим западные специалисты?

— На российском рынке действует несколько западных агентств, которые, естественно, опираются на своих специалистов и аналитиков. Некоторые российские пиар-агентства также сотрудничают с западными консультантами. Но все разговоры о том, что избирательную кампанию Ельцину делали американские консультанты, полная чепуха. Все разрабатывали отечественные аналитики и имиджмейкеры, которые затем получили должности в аппарате президента. Зарубежные консультанты были, но привлекались исключительно как консультанты. Решения принимались в российских «штатах».

Но не надо думать, что проблемы манипулирования исчерпываются политическим маркетингом. Ведь даже в «мирное» время, безо всяких выборов, проводятся великоплетно организованные акции ориентированного манипулирования, связанные с интересами различных финансово-промышленных групп. Возьмем, например, проект, по поводу которого было столько шума: строительство высокоскоростной магистрали Петербург—Москва.

В одних центральных СМИ прошла серия публикаций против дороги, в других — серия «за». Каждая публикация оценивается, по моим прикидкам, от 3 до 5 тыс. долл. Большинство участников дискуссии менее всего думали о том, нужна эта магистраль или нет.

Организаций, которые занимаются public relations, сегодня в стране сотни, и все они используют манипулятивные технологии. Честный, так называемый белый пиар, когда организация обеспечивает исключительно информационную связь между своей структурой и общественностью, — это настолько редкое явление, что я пока, честно говоря, вообще мало верю, что кто-то из наших специалистов в этой области действительно исповедует такие принципы.

— Есть ли здесь удары ниже пояса?

— С нормальной, общечеловеческой точки зрения, все манипулятивные технологии представля-

ют собой сплошные удары ниже пояса. Но большинство профессионалов в этой области выводят свою деятельность из сферы действия этических категорий. Это примерно то же самое, что работа разведчика. На него не распространяются заповеди «не лги», «не укради», «не убий». Это все ужасно, но это так.

— Можно ли считать в таком случае манипуляцию неизбежным злом?

— Я не совсем понимаю формулировку «неизбежное зло». Но то, что манипулятивные технологии являются естественным элементом человеческого общения, это безусловно. В любой форме общения есть манипуляция. Но надо понимать, что есть манипуляция игрового характера, когда обе стороны понимают, что это всего лишь игра. Давайте поиграем в любовь, и вот — начинается флирт. Что такое флирт? Это взаимная манипуляция, осуществляемая по точно выверенным правилам. Тут все ясно, все друг друга понимают. И есть худший вариант — когда идет черная манипуляция, когда одна из сторон даже не подозревает, что ею манипулируют. Вот за это, конечно, надо бы наказывать.

Мы мечтали, когда создавали наш институт в 93-м году, что заведем своеобразную «черную доску», куда будем заносить организации, применяющие такую манипуляцию. Но для этого, к сожалению, у нас нет ни сил, ни средств. За использование манипулятивных технологий платят хорошо, за их разоблачение платить не хочет никто.

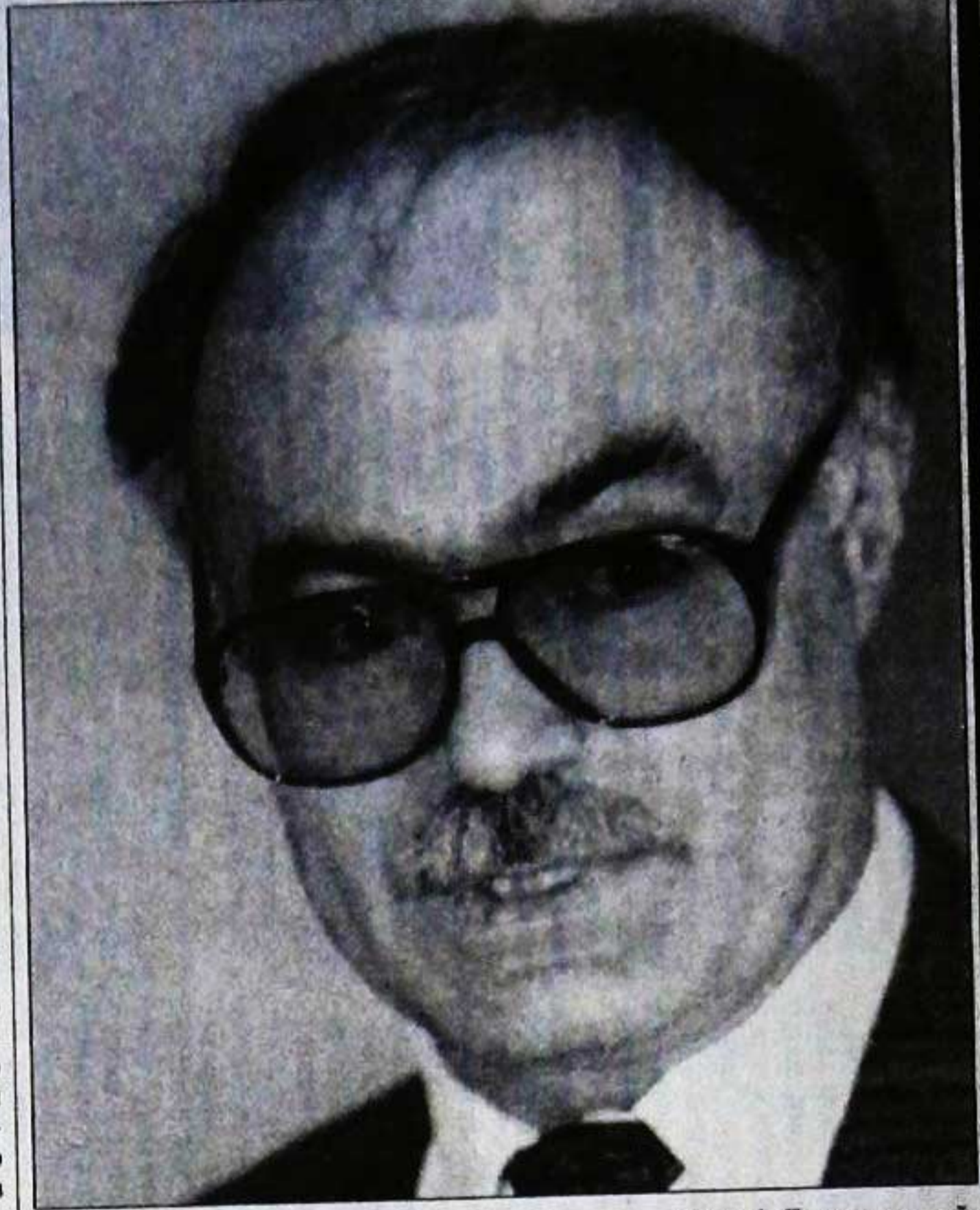
— И все-таки, где граница между дозволенным и недозволенным, например, в политике?

— Я полагаю, что дозволено то, о существовании чего публике известно. На Западе манипулятивные технологии используются еще более широко, чем у нас, в Америке так совершенно беспардонно. Но у любого европейца или американца есть прививка против манипуляции. Он знает все эти технологии. На мякине его не проведешь, все эти штучки с пляшущими голыми девочками на него не подействуют. Он полюбуется-полюбуется, но голосовать будет по делу.

Россияне такой прививки не имеют. Проблема заключается в том, что я называю «переделом манипуляции». Вот концерт, где пляшет президент, — это нормально, потому что все прекрасно понимают: раз президент пошел плясать, тем самым он убеждает нас, что он здоровенький. Но если начинают использоваться сложные спецоперации психологической обработки массы, о смысле которых никто не подозревает, то это должно быть предметом специального разбирательства. Но самое главное — нужно готовить население к жизни в условиях политического рынка, особенно в его специфическом российском варианте. Нужно объяснить, что манипуляция была, есть и будет и что не надо легковерно поддаваться хотя бы на простейшие ее приемы.

В конечном счете успех манипуляторов зависит от политической среды, в которой они действуют. В нормальном демократическом обществе всегда найдутся те, кто разоблачит их операции. Максимальный эффект от манипуляции может быть достигнут только в тоталитарных системах. При демократии она дробится, рассыпается.

— Следовательно, эффективность манипуляции тем меньше, чем больше у населения каналов доступа к информации?

Иосиф Дзялошинский.

— При условии, что все эти каналы не контролируются одной сплоченной группой. Из-за чего я и группа единомышленников, которые осознали смысл этой проблемы, «воюем» сегодня за свободу доступа к информации. Информационная прозрачность общества является противоядием против использования черных манипулятивных технологий. Сегодня большинство наших граждан обо всем узнают через телевидение и газеты. Это ненормально. Мы пытаемся добиться ситуации, при которой гражданин мог бы получать информацию, минуя средства массовой информации, напрямую. Хотя бы из государственных информационных ресурсов. Тогда любая манипуляция начнет рассыпаться, поскольку человек всегда может проверить факты. Но для этого должен быть закон, по которому любому гражданину по первому требованию должны предоставить любую информацию, не связанную с оборонными секретами и тайной частной жизни. Причем список секретов должен быть четко обозначен, его нельзя бесконечно расширять. А тайна частной жизни не должна распространяться на государственных деятелей определенного ранга.

Кроме того, должен быть разработан механизм предоставления информации. Можно сколько угодно ругать Америку. В ней, по мнению самих американцев, море недостатков. Но там, если чиновник не дает журналисту, да и вообще любому гражданину информацию, которую он обязан дать, на него без всяких судов накладывается огромный штраф. У нас же нет никаких рычагов воздействия на чиновников. Пойдите в МВД, в Минобороны, в МЧС, в Минатом, и вам покажут инструкции, по которым вам не дадут никаких сведений.

— В начале беседы вы упомянули о новейших разработках в области психотехнологий (НЛП, суггестивная лингвистика, эриксоновский гипноз и т.д.). Мы пока учимся здесь у Запада, а как обстоит с этим там? Представляют ли такие технологии в силу своей эффективности опасность для общества?

— У нас переоценивают масштабы их использования на Западе. Сейчас, по моему ощущению, «волна надежд» на эти технологии спадает. То есть, да, конечно, они используются, особенно в рекламе. В политической сфере значительно меньше, поскольку в любой момент разоблачат и всегда есть кому разоблачать. Тем не менее и в рекламе из-за ее огромного объема эти приемы стираются очень быстро. Они немедленно подхватываются всеми другими

(профессионалы все видят), и эффект становится довольно слабым.

Вообще мое твердое убеждение: все технологии манипулирования поведением человека действуют в очень ограниченном временном и функциональном диапазоне. Степень их эффективности определяется духовной зрелостью людей, их готовностью обманываться. Я абсолютно убежден, что любой народ, любое общество само несет ответственность за то, что им манипулируют. Люди позволяют собой манипулировать, сбрасывая ответственность за свои поступки на так называемых манипуляторов: я не виноват, меня зомбировали. Поэтому любые попытки, особенно в определенной прессе (газетах «Завтра», «Советская Россия») доказать, что россиянами манипулируют мasons, жиды, западные корпорации, что русский народ, как ягненок, поддается на все манипуляции, — это попытка свалить с больной головы на здоровую. Любой человек даже чисто интуитивно, даже бессознательно всегда чувствует, что им манипулируют. Но он позволяет себе быть манипулируемым, поскольку именно эта манипуляция позволяет ему делать то, что он очень хотел бы сделать, но почему-то до сих пор себе не разрешал.

Вот, например, человек в глубине души хочет проголосовать за Жириновского, но все-таки ему почему-то немножко стыдно. А тут ему дают информацию: оказывается, Жириновский крестился. И вообще он не такой, как кажется, а глубокий мыслитель. И человек дает себе разрешение: все в порядке, могу за него проголосовать. А на самом деле он голосует не за умного Жириновского, а за свои мелкие страсти: за желание выгнать инородцев, за желание наказать Запад, который наводнил страну сникерсами вместо любимой им «Белочки». Просто происходит совпадение потаенных желаний людей с санкциями на право их реализации. Санкции дают СМИ. Поэтому средства массовой информации для меня не могущественная четвертая власть, а всего лишь некое средство массового самооправдания.

Миллионы людей получают из СМИ слова, с помощью которых они обозначают то, что они чувствуют, но не могут назвать. Конечно, по мере усложнения нашего общества потребность быть манипулируемым будет возрастать. Без работы манипуляторы и политические психологи не останутся. Но не надо думать, что наступит день, когда именно они будут определять политическую ситуацию в стране.